

школу, и он получает все права государственной службы, он вносит свою инородческую, до сих пор враждебную России стихию в самый состав нашего правящего класса. Дошло до непостижимой странности: в русском парламенте, в святилище русского законодательства заседают полудикие кавказцы и принимают участие в решении наших национальных нужд! Каким же в любом организме может быть участие инородных тел, кроме разрушительного?

«Кавказ для кавказцев!» Вот что должна провозгласить русская власть с оговоркой: «Но не весь Кавказ. Русский Кавказ – для русских». Последнее нужно отстоять столь же твердо, как Москва – для москвичей. Весь Кавказ принадлежит России, ибо он отвоеван у Турции и Персии нами, русскими. Но кроме права завоевания есть еще и право вселения, и кроме туземного Кавказа есть чистокровный русский. Под русским Кавказом следует разуметь все, что остается от вычитания из завоеванного края частных туземных прав. Остаток, если предложить произвести арифметическое действие не местным жителям, получится громадный. Заселив кавказские пустыни и пустоши, мы навсегда завоевали бы его для русской расы.

Русское пробуждение

Наиболее обещающим движением русской жизни является теперь национальное. Враги национализма и справа, и слева распространяют о нем самый пошлый вздор, но это не мешает великому движению расти и захватывать собой все более и более широкие круги общества. Что такое национализм? В течение еще многих лет придется рассуждать об этом – точнее, трудно себе представить время, когда вопрос этот не заслуживал бы проповеди и самого внимательного обсуждения.

Из множества определений национализма позвольте остановиться на самых простых и удобопонятных. Национализм, мне кажется, есть народная *искренность* – в отличие от притворства партий и всякого их кривляния и подражания.

Есть люди искренние, которые не терпят, чтобы казаться чем-то другим, и которым хочется всегда быть лишь самими собой. Наоборот, есть люди, как бы боящиеся самих себя, внутренне не уважающие себя, которые готовы быть чем угодно, только не тем, что они есть. Эта странная трусость напоминает так называемый *миметизм* в природе – стремление слабых пород, особенно среди насекомых, подделывать свою наружность под окружающую среду, например принимать очертания и цвета растений. Чувство национальное обратно этому малодушному инстинкту. Национализм есть полное развитие личности и стойкое бережение всех особенностей, отличающих данный вид от смежных ему. Национализм есть не только полнота самосознания, но полнота *особенного* – творческого самосознания, а не подражательного. Национализм всегда чувствуется как высшее удовлетворение, как «любовь к Отечеству и народная гордость». Нельзя любить и нельзя гордиться тем, что считаешь дурным. Стало быть, национализм предполагает полноту хороших качеств или тех, что кажутся хорошими. Национализм есть то редкое состояние, когда народ примиряется с самим собою, входит в полное согласие, в равновесие своего духа и в гармоническое удовлетворение самим собой.

Отсюда недалеко до самовлюбленности, до обожествления своего «я», как это бывало у древних, более свежих народностей. «Аз есмь Господь Бог твой» <Втор. 5:3>. Эта заповедь в древности понималась так: «Господь Бог твой есть твое “я”, и да не будут у тебя другие боги, кроме твоего “я”». Вышедший из естества природы народ чувствовал, что он осуществляет какое-то особенное бытие, особенную идею, и довести последнюю до крайнего выражения почиталось призыванием народным. То, что называлось «дух» народа, «гений народный», был действительно как бы особый бог (Ягве¹, Ассур² и пр.), по образу и подобию которого в данном племени строился человек и нация. Религия и культура в древности не стремились к иной цели, как только к той, чтобы воплотить в народе *идеал*, то есть особый замысел природы, некое исключительно сильное и неподражаемо прекрасное своеобра-

зие. Посмотрите на тонко выработанную породу, например на орла или оленя. В такой породе все закончено, как в статуе великого скульптора, все остановилось, как бы достигнув *вечной* жизни. Вы чувствуете, что тут никакие перемены невозможны, ибо всякое *изменение* будет *изменой*, упадком расы. Такова же всякая строго выработанная национальность. Как все совершенное, она консервативна; достигнутое своеобразие свое она отстаивает, как жизнь.

В сущности, в нем, исключительном своеобразии, и заключается смысл жизни. Безмерное количество приближений природа тратит для того, чтобы наконец достигнуть особенного идеала и воплотить его. Воплощенный дух народный счастлив, как воплощенный Бог. Вот окончательная цель национализма: полное удовлетворение, полнота блаженства. Что это момент редкий и труднодостижимый, это не меняет дела. Раз достигнутая национальная законченность на долгие века создает народ *счастливый*. Именно в эти эпохи рождаются чудные песни народные, героические сказания, мечты о бессмертии. Порода, вошедшая в вечный тип свой, ощущает бессмертие не в будущем, а в настоящем.

То, что мы, проповедники национального восстановления, ставим народной целью, не есть измышление или каприз ума. Это повелительное и самое высокое требование природы, и наградой за исполнение его служит счастье. Подумайте достаточно серьезно – и вы увидите, что только в отстоявшейся и законченной народности возможны мир, согласие, свобода, братство – все начала блаженной жизни. В народности растрепанной, разнородной, переполненной чуждыми элементами, по необходимости царят раздор, постоянная грызня и ожесточение, как в химическом котле, куда положены разные соли. Брожение и хаос – вот неизбежная картина анархии, охватывающей ненациональное общество. Враждебные друг другу стихии взаимно разлагаются в борьбе и вносят, что касается человеческого сожительства, одну ненависть, которая есть самая острая из болезней духа. Если желаете мира и добродетели, для этого бесполезно произносить нравственные

сентенции, хотя бы самые изысканные. Сделайте так, чтобы народ был национален: вместе с национальным чувством войдет сам собою и мир и сама, непрощенная, явится добродетель. В уравновешенной системе общества нет борьбы. Она взаимно обуздана, враждебные силы погашены. Разве это не последняя цель человеческого общества?

Именно в страстном желании мира и «*благоволения в человецех*» националисты и говорят заседающим со всех сторон инородцам: «Отойдите от нас! В наше внутреннее согласие не вводите раздора! В достигнутое национальностью примирение не вносите начал вражды! Ибо вражда совершенно неизбежна при основном неравенстве, от которого ни вы, ни мы отказаться не можем. Вы – евреи, поляки, финны, армяне и пр., и пр. – пламенно дорожите своим национальным своеобразием. Вы не хотите и *не можете* изменить ему. Мы, русские люди, то же самое: без тяжких расстройств народных, может быть, без окончательной гибели своей родины мы не можем уступить вам». Остается, стало быть, разойтись, подобно Аврааму и Лоту³: «Направо – твое, налево – мое». Национализм русский, по крайней мере, в моем понимании не есть захват и не есть насилие. *Национализм есть честное разграничение*. Захват и насилие в его коварных формах идут со стороны не русского национализма. Не мы идем на инородцев, а они на нас. Не мы овладеваем территорией и трудом народным у евреев, поляков, армян и пр., а они овладевают нашими. Дать закономерный, но ощутительный отпор этому внутреннему «нашествию иноплеменных» – цель национального движения. Это *не нападение, это самооборона*.

Как случилось, что громадный народ русский не сумел предупредить величайшую из опасностей – нашествие изнутри? Это случилось очень просто. Завоевав чуждые племена, мы имели несчастную ошибку удержать их у себя. Врагов, захваченных в плен, мы ввели в семью свою вместо того, чтобы отпустить на волю. Наследственных врагов, тысячу лет вредивших России и разрушавших ее, мы уравнили в царственных правах со строителями государства и его защитниками.

Непримиримые с нашей народностью, чужеземцы проникли в самую глубину общественных тканей, в сердце и мозг страны, и внесли и вносят этим самые тяжелые расстройства.

В твердыню государственности нашей инородцы входят при посредстве двух лжеучений – политического и религиозного. В силу первого лжеучения все «подданные» государства приравниваются к «гражданам» его, в силу второго – все люди рассматриваются как «братья». Горький опыт здравомыслящих людей убедительно доказывает, что «гражданин» и «брат» – явления слишком высокие, чтобы быть широко обобщенными. Инородцы, отстаивающие свою национальность, не могут одновременно принадлежать и к нашей, и если числятся «гражданами» Русского государства, то это просто политический подлог. Точно так же чужие люди, пока они чужие, не могут быть нам братьями; доверять им, как братьям, важные позиции в государстве крайне безрассудно. Природа не терпит фальсификаций. Природа создала не одну, а разные национальности. Сентиментально смешивать их и притворяться, будто все они сливаются в одну, есть безумие и грех против природы.

Враги русской народности, всячески отстаивая свой национализм, всемерно опорочивают русский. Когда речь пойдет о нарушении прав еврея, финна, поляка, армянина, подымается негодующий вопль: все кричат об уважении к такой святыне, какова национальность. Но лишь только русские обмолвятся о своей народности, – поднимаются возмущенные крики: «Человеконенавистничество! Нетерпимость! Черносотенное насилие! Грубый эгоизм!» Сами ожесточенные эгоисты, поклоняющиеся идолу отчуждения, насевшие на нас инородцы не признают за Россией ее народного «я». Что ж, остается нам обречь себя в самом деле на роль *удобрения* для чужих рас, как откровенно мечтают фанатики пангерманизма! Апостолы мелких национальностей не стыдятся выражения «эгоизм». Мне кажется, и русскому национализму не следует чураться этого понятия. Да, эгоизм. Что ж в нем удивительного или ужасного? Из всех народов на свете русскому, наиболее мягкосердечному, пора заразиться некоторой дозой здравого эго-

изма. Пора с совершенной твердостью установить, что мы не космополиты, не альтруисты, не «святые последних дней», а такой же народ, как и все остальные, желающие жить на белом свете прежде всего для самих себя и для собственного потомства. Пора признать искренне и просто те наши определения, которые значатся в нашем имперском титуле. Этот титул говорит, что Россия – народ державный, независимый ни от кого на свете, никому не подчиненный. Мы – *государство*, то есть высшее господство на своей территории. Мы – племя *царственное*, повелевающее всеми народностями, вошедшими в состав Империи. Именно наше национальное своеобразие, а не чье другое должно считаться непреложным. Все иные национальности должны быть терпимы как явления временные, подлежащие или усвоению, или вытеснению. Счесть за закон *постоянное* сожителство разных национальностей в черте одного государства составляет величайшую нелепость, какую можно себе вообразить.

Приглашаю читателей внимательно прочесть объявленную вчера (22 января) в «Новом времени» программу, выработанную для объединенного Всероссийского Национального союза. Первый член этого символа нашей политической веры – «единство и нераздельность Российской империи и ограждение во всех ее частях *господства русской народности*». Для инородческих окраин русские националисты допускают лишь «хозяйственное самоуправление при обязательном и полном ограждении русских интересов, как местных, так и общегосударственных». Особо подчеркивается, что «*равноправие евреев недопустимо*». Последний тезис отграничивает Всероссийский Национальный союз от тех умеренно-либеральных партий, которые составляют авангард еврейства. Во всех остальных пунктах объявленная программа может подлежать критике, но в этом пункте она безупречна. С величайшей искренностью и прямоотой, делающими большую честь вождям партии, они имели мужество высказать свои взгляды по инородческому вопросу. Он, этот вопрос, как в разложившейся Турции и разлагающейся Ав-

стрии, составляет у нас теперь главную государственную болезнь. Нельзя говорить ни о «подъеме производительных сил государства» (§ 5), ни о «восстановлении военного могущества Российской империи» (§ 6), пока народ и общество разъедаются внутренней враждой, вносимой чужеродными элементами. Если мечтать о благополучных временах, то они явятся не прежде, чем вернется наш давно утраченный национальный мир. Как организму, зараженному чужеродными микробами, России прежде всего нужно вылечиться от заразы. Только в здоровых руках что-нибудь значат и трудовой топор, и когда-то победоносный меч.

Из программы Всероссийского Национального союза видно, до какой степени нелепы уверения врагов его, будто союз – слишком *левый* или слишком *правый*. Национализм – не политика, он выше политики и в силу этого не допускает односторонних крайностей. В отличие от еврейско-либеральных партий (кадеты и октябристы) Всероссийский Национальный союз опирается прежде всего на Основные Законы. В согласии с последними союз признает «незыблемость представительного образа правления», при котором «законодательная власть Самодержавного Царя» находится в «единении» с двумя палатами. Национальный союз придает важное значение «наблюдению законодательных учреждений за закономерностью действий правительства». Последнее условие довольно резко отграничивает Национальный союз и от крайне правых партий. Если не большинство ультрамонархистов, то многие из них до сих пор не могут помириться с народным правительством. Законодательное *единение* Царя с народом им кажется *ограничением* самодержавной власти. Националистам это не кажется. Они убеждены, что названное ограничение – мнимое, подобно независимости суда или свободе административной деятельности в пределах закона. Пока принципом русской государственности остается единодержавие, верховным законодателем, утвердителем законов является Государь-Самодержец, но органы отправления Высочайшей власти должны быть согласованы с природой дела. Естественно, что

наилучшим органом законодательства и надзора за правительством может служить только та стихия, которая живет законами и которая на себе же чувствует всякое нарушение их. Как ученый не создает законов природы, а *открывает* их, изучая свойства вещей, так и политический законодатель: наиболее совершенные законы – это наиболее естественные, согласные с природой нации. Если Империя наша пришла в опаснейшее расстройство, то, главным образом, потому, что естественные законы, когда-то устанавливавшиеся обычаями и нравами, были подменены постепенно сочиненными законами, безжизненными и чуждыми природе общества.

Цель Всероссийского Национального союза – восстановление русской национальности не только как господствующей, но и государственно-творческой. В области политики союзу придется вступить в борьбу со всеми ложными доктринами, навязывающими народу русскому чуждые его природе порядки. В этом смысле для националистов одинаково противны бумажная метафизика бюрократии и книжная метафизика революции. Покушение и той и другой навязать нации насильственно не свойственные ей нормы следует считать одинаково преступными. Метод национализма совпадает с научным: предоставьте нации самой определять, что она такое и к чему стремится. И так как это уже определено тысячелетней жизнью, то остается с возможной добросовестностью лишь осуществить то, что есть.

Величайшее несчастье всякого народа – это когда естественные законы расстроены и жизнь его в силу этого расстройства искажена. Национальное движение есть порыв русского общества восстановить натуральный порядок, вернуться к родным, наиболее удобным и потому наиболее свободным формам, слагающимся органически. Наибольшей помехой восстановлению служат инородные элементы, излишнее присутствие которых, не предусмотренное природой, разлагает жизнь. Вот почему закономерная борьба с внутренними нашествиями является одной из главных задач союза. Но эта задача, конечно, не единственная. Русская жизнь угнетена не только

инородческим засильем. Она подавлена всеми последствиями национального упадка. Народное безбожие, народное пьянство, развертывающееся в государственную катастрофу, народная нищета, народная преступность, народное невежество, опасный упадок практических знаний, беспомощность труда, бесправие и бессудье – все это и многое другое составляет общую пропасть, из которой нужно извлечь народ. Цель общества, именуемого Всероссийским Национальным союзом, – *поднять* нацию из всех падений, восстановить ее.

«Не слишком ли гордая задача?» – спросит иной читатель. Отнюдь не гордая, отвечу я. Не только не гордая, но самая законная, которой должно задаваться всякое пошатнувшееся существо. Отбросив пустые страхи и ложный стыд, попробуем искренно сделать каждый, что в наших силах, и вы увидите, что сумма небольших усилий способна сложиться в огромный и блистательный результат.

Каким же иным способом, как не этим, воскресали другие народы? А они – не исключая наиболее передовых – переживали еще недавно не лучшие, чем мы, времена. Так же, как и у нас, и французы, и немцы, и англичане лет всего полтора-два назад коснулись в невежестве и нищете. Но пробудилось национальное сознание, проснулся гений народов – и они, точно по слову Божию, сбросили свою проказу...

Быть ли России великой?

Сегодня южнорусское образованное общество чествует 50-летие со дня смерти Т. Г. Шевченко. Грустная годовщина эта дает повод озлобленным и вздорным людям к возбуждению того междурусского раздора, который в последнее время из всех сил стараются раздуть австрийские немцы и поляки. Как известно, мечтательное украинофильство тридцатых годов прошлого столетия довольно давно, именно в эпоху Шевченко, начало принимать оттенок революционный. Поддерживаемая врагами России, постепенно сложилась изменническая